

ИКОНОБОРЕЦ С ОСОБОЙ МИССИЕЙ

*Камилла Андерсен представляет
Рикардо Хаусмана, который всю
свою жизнь пытается постичь,
какие силы лежат в основе
экономического развития*

Все те без малого 40 лет, что Рикардо Хаусман работает в сферах государственного управления, науки и образования и международных финансовых организаций, он пытается разгадать, почему одни страны процветают, а другие терпят неудачу. Ему нравится проводить аналогию между экономическим развитием и игрой «Эрудит». «Процесс экономического развития действительно напоминает процесс подбора букв и придумывания слов, которые можно из них составить. Именно так и выглядит вектор развития», — объясняет он, сидя в своем залитом солнцем кабинете в Школе государственного управления им. Кеннеди Гарвардского университета.

По его словам, эта страсть к постижению движущих сил развития красной нитью проходит через всю его многообразную профессиональную деятельность. «Мне никогда не казалось, что я меняю сферу работы. Я думал, что играю в одну и ту же игру, но на разных позициях».

Преодоление жестких ограничений

Хаусман — директор Центра международного развития (ЦМР) при Гарвардском университете с 2005 года и профессор практики экономического развития с 2000 года. За годы работы в Гарварде он стремится уточнить свои представления об экономическом росте и жестких ограничениях — одном-двух важнейших препятствиях для экономического роста, с которыми сталкивается та или иная страна. Он работает непосредственно с правительствами стран по всему миру, помогая им искать источники новой энергии роста.

«Меня крайне беспокоило то, что большинству людей необычайно трудно найти эффективные бизнес-модели, — рассказывает он. — История большинства стран, с которыми я знаком, очень зависела от какой-то одной по сути случайно выбранной отрасли, которая преобразила страну, будь то выращивание кофе или какао, добыча нефти или туризм».

Для того чтобы выделить факторы, обусловившие этот выбор, Хаусман вместе с экономистами и коллегами из Гарварда Дэни Родриком и Андресом Веласко в 2005 году разработали методологию диагностической оценки экономического роста. Ее основной принцип заключается в том, что каждая страна может сталкиваться со своими собственными уникальными ограничениями, которые необходимо понять и устранить. «Метод диагностической оценки экономического роста, предложенный им и его коллегами, представлял собой великолепную смесь практических инструментов политики и художественного творчества», — считает Лэнт Притчет, профессор практики международного развития школы им. Кеннеди, друг и коллега Хаусмана.

Исследование экономического роста стало результатом диалога, начатого много лет назад в Венесуэле. «Впервые я познакомился с Рикардо на какой-то конференции по внешнему долгу в Каракасе в 1980-е годы, — вспоминает Родрик. — Он повел меня на длинную прогулку по ули-

цам Каракаса и без умолку говорил об экономике, институтах, развитии, о том, что мы все делаем неправильно. Помню, я удивлялся тогда — о чем это он? Я не сразу понял, что он говорит дельные вещи. Все эти годы он постоянно докучал мне разговорами — и это принесло мне чрезвычайную пользу. В нашей профессии он уникален тем, что объединяет прагматический подход разработчика политики с присущим ученому поиском новаторских идей. То, что я пригласил его работать в Школу им. Кеннеди, я считаю одним из своих главных достижений».

Действительно, методология диагностической оценки роста служит примером общего подхода Хаусмана к экономической науке: всегда выходить за рамки теории и проверять, как экономическая наука соотносится с реальностью. «Постоянная вовлеченность Рикардо в суету реальной экономической жизни и разработки политики не уводит его в сторону, а служит источником новых и глубоких представлений об экономической науке», — говорит Притчет, а затем добавляет: «Рикардо обладает способностью следовать за экономическими фактами, даже когда трудно не сбиться с пути под влиянием догм левого и правого толка».

Всегда без страха использующий для анализа проблем новые междисциплинарные методологии, Хаусман плохо мирится с косностью и отсутствием любознательности. «Думаю, что хорошая экономическая наука существует благодаря попыткам понять проблему и взяться за ее решение, — считает он. — Зачастую академическая наука сначала разрабатывает молоток и только потом начинает искать, какой бы гвоздь им забить».

Вся карьера Хаусмана представляет собой пересечение границ и эксперименты с различными подходами в поисках ответа на сложные вопросы. «Он использует инструментарий макроэкономики, микроэкономики, эконометрики, финансов, социологии, истории, философии, психологии, физики и даже фрактальной геометрии. Он объединяет эти различные дисциплины, очень изящно синтезирует их и создает свои собственные уникальные аналитические основы», — рассказывает Дуигу Гювен, бывший студент и научный сотрудник, который работал с Хаусманом в ЦМР, а теперь работает в Казначействе Турции.

Изменить мир к лучшему

Поиск Хаусманом ответов уходит своими корнями в Венесуэлу, где его родители, оба пережившие Холокост, поселились, покинув Германию и Бельгию. Они зарабатывали на жизнь пошивом кожаных сумок, но когда швейная промышленность в 1990-е годы из Венесуэлы перекочевала в страны с более дешевой рабочей силой, возник вопрос: «Если мы продадим наше швейное предприятие, что же мы будем делать? Мы больше ничего не умеем».

Дилемма, вставшая перед его родителями, заставила Хаусмана задуматься о той роли, которую играет в экономическом развитии человеческий капитал. «Я прорабатывал идею о том, что процесс экономического развития

по существу представляет собой освоение населением все более разнообразных производственных возможностей, которые затем можно перегруппировывать и реорганизовывать», — рассказывает он. Исследование роли человеческого капитала в экономическом развитии стало основной движущей силой его академической карьеры.

Первую степень, бакалавра технических наук и прикладной физики, Хаусман получил в Корнельском университете. Но затем он оставил физику и технические науки и занялся социальными науками. «Изучать электроны в Венесуэле было не так интересно, как изучать экономику Венесуэлы, потому что электроны везде одинаковы, а экономика — нет», — объясняет он.

Получив степени магистра и доктора экономических наук, также в Корнельском университете, Хаусман вернулся в Венесуэлу, чтобы преподавать экономику. В 1984 году он начал консультировать различные министерства, а в 1992 году был назначен на пост министра координации и планирования, а также стал членом правления Центрального банка Венесуэлы. В 1994 году он уехал в Вашингтон, чтобы стать первым главным экономистом в Межамериканском банке развития.

Первородный грех и темная материя

В течение тех шести лет, что он занимал должность главного экономиста, Хаусман продолжал размышлять об опыте Венесуэлы, который разделяли и многие другие латиноамериканские страны. Почему экономика была подвержена хронической волатильности? В сотрудничестве с Майклом Гавином, Эрнесто Тальви и Роберто Перотти он исследовал причины, по которым налогово-бюджетная политика всегда казалась проциклической: вместо того чтобы стабилизировать экономический цикл, она усугубляла спады и подогревала подъемы. Изучение бюджетной проциклическости позволило Хаусману и его коллегам заключить, что некоторые страны используют проциклические меры политики, поскольку их способность к заимствованиям также носит проциклический характер: они имеют доступ к рынкам в благоприятные времена и не имеют в плохие.

Хаусман и Барри Айхенгрин придумали термин «первородный грех» для описания ситуации, когда страна не способна осуществлять внешние заимствования в своей национальной валюте, а может только в иностранной, например, в долларах. Если страна, страдающая «первородным грехом», накапливает внешнюю задолженность, как это делают развивающиеся страны для стимулирования развития и роста, возникает несоответствие в валютной структуре ее баланса, и когда стоимость национальной валюты снижается, обслуживать долг становится дороже, что зачастую ведет к дефолту.

Теорию «первородного греха» Хаусмана оспаривали экономисты Кармен Рейнхарт и Кеннет Рогофф. Вместо того чтобы объяснять проблемы с долгом несоответствием в структуре валют, они доказывали, что страны

с формирующимся рынком страдают от «нетерпимости к долгу», то есть неспособности выдерживать такие уровни задолженности, с которыми страны с развитой экономикой обычно легко справляются. По их мнению, это объясняет, почему некоторые страны становятся серийными неплательщиками.

Знание физики подсказало ему запоминающийся термин «темная материя» для решения загадки из области международной финансовой статистики: как могут США, крупнейший в мире должник, зарабатывать на своих иностранных активах больше, чем они выплачивают в качестве процентов по своему долгу? В работе 2005 года — «US and Global Imbalances: Can Dark Matter Prevent a Big Bang?» (Дисбалансы американской и мировой экономики: способна ли темная материя предотвратить большой взрыв?) — Хаусман и Федерико Стурценеггер (в настоящее время возглавляющий Центральный банк Аргентины) использовали термин «темная материя» для описания невидимых активов, таких как прямые иностранные инвестиции и прочее экспортируемое ноу-хау, которые приносили достаточно дохода для того, чтобы компенсировать процентные выплаты США зарубежным кредиторам. В физике темная материя проявляется только через силу притяжения, которую она создает. В международной финансовой статистике о ее наличии можно судить только по доходу, который она образует.

Как и проблема «первородного греха», гипотеза «темной материи» вызвала живые дискуссии, которые продолжаются и по сей день.

Из Вашингтона в Бостон

Работая в Межамериканском банке развития, Хаусман также участвовал в разработке так называемого «Вашингтонского консенсуса» — 10 рекомендаций в отношении мер экономической политики, которые превратились в стандартный пакет реформ для стран, переживающих кризис, но с тех самых пор подвергались широкой критике. Хаусман участвовал в семинаре, на котором экономист Джон Уильямсон впервые представил «Вашингтонский консенсус», а также написал главу о Латинской Америке для книги Уильямсона. «В некотором смысле «Вашингтонский консенсус» являл собой латиноамериканский консенсус в отношении очень своеобразного латиноамериканского набора дисбалансов», — объясняет он.

Однако со временем Хаусман стал все более скептически воспринимать способность этих мер политики принести те плоды, которые предсказывала экономическая теория. Наблюдалась некоторая положительная корреляция в том смысле, что страны, проводившие реформы, имели несколько лучшие показатели, чем те, которые их не проводили. Однако в конце 1990-х годов финансовые кризисы в Азии и России распространились на Латинскую Америку, что привело к падению темпов роста в период с 1998 по 2002 год.

«Это заставило меня пересмотреть свои представления. Возможно, с экономическим ростом не все так просто, как я сперва думал, — признается он. — Мы стали наткаться на другие факторы, препятствующие прогрессу, о которых мы раньше не задумывались. И это совпало с моим переходом в Гарвард».

Возобновившийся поиск ответов привел Хаусмана к концепции «сложности экономики», впервые предложенной в статье журнала *Science* в июле 2007 года. «Многие экономисты считают концепцию сложности его важнейшим вкладом в область экономики развития», — говорит Крис Папагеоргиу из Исследовательского департамента МВФ.

«Рикардо обладает способностью следовать за экономическими фактами, даже когда трудно не сбиться с пути под влиянием догм левого и правого толка».

Вот запись, сделанная Хаусманом на своем веб-сайте: «Секрет производства сложных вещей не в том, чтобы привлечь более умных людей: требуется большое число людей, каждый из которых привносит свое разноплановое и взаимодополняющее ноу-хау. Более богатые общества обладают более значительным коллективным ноу-хау и используют его для производства более разнообразного набора более сложных продуктов». Бедные страны, по его словам, способны производить «несколько простых продуктов».

Задействовав внушительные ресурсы Гарварда и вооружившись междисциплинарным подходом, основанном на знании физики, экономики и государственной политики, а также своим опыте в сфере сетевого взаимодействия и информатики, Хаусман приступил к составлению схемы внедрения обществами продуктивных знаний. Это исследование привело к публикации в 2011 году работы *The Atlas of Economic Complexity — Mapping Paths to Prosperity* (Атлас сложности экономики — карта путей к процветанию), в которой сделана попытка оценить объем продуктивных знаний в каждой стране.

Это было лишь начало. Сегодня значительная часть работы Лаборатории экономического роста ЦМР сосредоточена на составлении карт этих замысловатых сетей знаний. Штат Лаборатории увеличился с двух научных сотрудников в 2011 году до 40 в 2017 году. В коллективе есть математики, физики, экономисты, программисты и специалисты по информационным технологиям, специалисты по передовой визуализации и профессионалы в области коммуникаций, которые помогают поддерживать и разрабатывать различные веб-сайты «Атласа».

Это собрание работ в настоящее время широко используется для анализа состояния экономики и выработки рекомендаций по экономической политике. Многие страны

также сотрудничают непосредственно с ЦМР, включая правительства Албании, Мексики, Панамы и Шри-Ланки.

Возможно, есть крайняя ирония в том, что Венесуэла, родина гуру экономики развития, переживает худший за десятилетия экономический спад вкупе с гиперинфляцией.

Хаусман откровенно характеризует состояние своей страны. «Для катастрофического спада в Венесуэле нет никаких оправданий. Это следствие выбора мер политики, которые, как издавна известно всем и каждому — просто путь в никуда. Чего бы мы ни коснулись, будь то множественные валютные курсы, недостаток бюджетной дисциплины, экспроприация, неопределенность в отношении

прав собственности, слабая денежно-кредитная политика или меры контроля за ценами, мы знаем, что все это разрушительно для общества».

Из-за столь жесткой критики правительство Венесуэлы объявило, что отныне ему в страну путь заказан. Это не помешало Хаусману продолжать давать оценки ситуации на родине и составлять программу исследований, направленную на то, чтобы вывести Венесуэлу на путь восстановления.

Исполнительский ген

Волшебство, которое творит Хаусман в исследовательской среде ЦМР, видимо, переносится и в учебные аудитории. В глубине души, как все хорошие учителя, он — артист. На первый взгляд, трое его детей выбрали себе совсем иной жизненный путь, чем их отец. Один из них стал куратором музея, другой — драматургом, а третий — комедийным актером. Но у все четверых есть кое-что общее: исполнительский талант.

Себастиан Бустос, аспирант и научный сотрудник ЦМР, рассказывает, как студенты вознаграждали его высшей похвалой для исполнителя — аплодисментами. «В конце семестра, когда учеба завершается и приходит понимание всего того, что обсуждалось во время семестра, занятия обычно заканчиваются тем, что все студенты взрываются аплодисментами, их переполняет радость».

«Чем он займется дальше? — гадают Папагеоргиу. — Среди людей своей профессии Рикардо выделяется тем, что все с нетерпением ждут, что еще придумают он и его команда в ЦМР». **ФР**

КАМИЛЛА ЛУНД АНДЕРСЕН — главный редактор журнала «*Финансы и развитие*».